

И. П. Сорокина, Морфология глагола энецкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград 1975.

14 октября 1975 г. на заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации И. П. Сорокиной. Официальными оппонентами выступили доктора филологических наук Г. М. Керт (Петрозаводск) и А. Кюннап (Тарту).

И. П. Сорокина ставит целью своей работы синхронное описание глагола в энецком языке. Она отмечает, что исследование в основном базируется на материале, собранном автором в 1968 г. во время экспедиции на Таймырский национальный округ к энцам группы бай. Хорошо известно, что энецкий язык изучен слабо и поэтому уже сам по себе новый материал по этому языку является вполне определенным вкладом в изучение самодийских и всех уральских языков. Выбор темы диссертации, на наш взгляд, вполне себя оправдывает: она актуальна и представляет несомненный интерес с точки зрения как изучения самодийских языков, так и общелингвистической.

Во введении (стр. 1—20) И. П. Сорокина приводит разнообразное сведения об энцах, кратко излагает историю изучения энцев и их языка, говорит об их родовом и диалектном делении на группы маду и бай. Она пытается определить место энецкого языка среди других самодийских языков и указывает, что материалы диссертации подтверждают тезис о роли энецкого языка как связующего звена между ненецким и нганасанским языками. Интересен сравнительный анализ словарного состава ненецкого и энецкого языков. И. П. Сорокина подсчитала, что около 100 слов в этих языках фонетически никак не различаются, а тысяча энецких слов имеет фонетические различия, которые укладываются в рамки звуковых соответствий. Такой подсчет следует считать, конечно, лишь первой попыткой статистического сопоставления словарного состава указанных языков, который нуждается в уточнениях, но и он довольно показателен. Далее автор останавливается на основных этапах истории изучения самодийских народностей и их языков, сосредотачивая основное внимание на рас-

смотрении данных об энцах и энецком языке. И. П. Сорокина придерживается гипотезы о саянском происхождении самодийских племен, однако здесь уместно было бы упомянуть и о существовании других точек зрения.

Первая глава (стр. 21—50) посвящена рассмотрению фонетического и морфологического строения глагольных основ в диалекте бай энецкого языка. Автор характеризует энецкий язык как язык агглютинативного типа, рассматривает типы глагольных основ, подробно описывает фонетические процессы на стыке корня и суффиксов. Затем И. П. Сорокина приступает к разбору морфологического строения глагола в энецком языке, определяет порядок расположения суффиксов относительно корня. При этом она пользуется методикой порядкового членения, точнее, одним из вариантов этой методики, разработанным И. И. Ревзиным. Путем морфемного анализа И. П. Сорокина выделяет в энецком языке девять суффиксальных порядков, описание которых затем суммируется в виде таблицы (стр. 40). Далее рассматривается вопрос о возможной сочетаемости энецких глагольных суффиксов между собой. В ходе анализа определяются минимальные структурные модели энецкого финитного глагола и варианты этих моделей. Автор приходит к выводу, что максимальная модель энецкого глагола может включать не больше семи порядков в одной словоформе. Она отмечает: «Рассмотрение морфологической структуры слова энецкого языка с помощью методики порядкового членения позволяет, как нам кажется, представить структуру глагольного слова данного языка более наглядно и выпукло, чем это можно было бы сделать при традиционном описании» (стр. 49). В связи с этим следует подчеркнуть, что мы, со своей стороны, не склонны фетишизировать ни один метод, но очевидно, что в данном случае метод порядкового членения дает свои вполне определенные положительные результаты, особенно, если иметь в виду, что для выявления вышеуказанных суффиксальных порядков энецкого глагола в работе сопоставлены десятки ты-

сяч глагольных словоформ (см. стр. 33), так как соотнесение большого числа таких форм друг с другом дает возможность уточнить место каждого элемента в системе и наглядно показать общий порядок следования суффиксов, позволяя тем самым представить каждую глагольную словоформу в рамках одной из выявленных минимальных структурных моделей.

Вторая глава (стр. 51—59) посвящена словообразовательным (межкатегориальным и внутрикатегориальным) суффиксам энецкого глагола. Особое внимание уделяется вопросу о наличии в энецком языке категории имени-глагола, предполагаемой некоторыми исследователями, например, И. Н.-Шебештьен. Автор, вслед за Н. М. Терещенко, указывает, что граница между именем и глаголом проводится в самодийских языках довольно отчетливо. Но И. П. Сорокина проявляет уместную осторожность, допуская существование категории имени-глагола в более отдаленном прошлом. Далее она описывает конкретные глагольные словообразовательные суффиксы. Исходя из классификации видовых образований Б. А. Серебrenникова, автор приходит к выводу, что в энецком языке нет видов, а имеются лишь видовые классы, часть которых тяготеет все же к видам. И. П. Сорокина различает видовые классы, выражающие длительность, многократность, начинательность, постоянность, неполноту, постепенность и становление действия. Рассматриваются соотношения видовых классов и времен.

Третья глава (стр. 75—132) посвящена глагольному словоизменению в энецком языке и является наиболее богатой новыми оригинальными идеями. Анализ глагольного словоизменения начинается с рассмотрения категорий лица и числа, при этом правильно указывается, что нередко обе эти категории фактически слиты в одном суффиксе. Затем следует описание всех трех спряжений глагола — субъектного, объектного и рефлексивного — или, по терминологии автора, трех типов спряжения — субъектного, субъектно-объектного и субъектно-безобъектного. С точки зрения порядкового анализа, суффиксы глагольного лица и числа в энецком языке составляют одну категорию лица-числа. Интересен тот факт, что

занимаемый энецким показателем будущего времени порядок говорит в пользу предположения Н. М. Терещенко о видовом происхождении этого показателя. И. П. Сорокина исходит из того, что как формы времени, так и формы наклонения выражают отношение говорящего к высказываемому событию, и дает экономный способ формального описания соответствующих показателей как слитных морфем, разорванных суффиксами лица-числа, причем как инициаль, так и финаль этих морфем может быть заполнен нулевым суффиксом:

- $\emptyset \dots \emptyset$ — настоящее время,
- $\emptyset \dots \xi$ — прошедшее время,
- $bi \dots \emptyset$ — давнопрошедшее время,
- $da \dots \emptyset$ — будущее время,
- $da \dots \xi$ — долженствовательное наклонение,
- $ni \dots \emptyset$ — желательное наклонение,
- $ni \dots \xi$ — сослагательное наклонение и т. д. (см. стр. 118).

Много внимания уделяется в работе вопросу о наличии в энецком языке категории залога, автор приходит к выводу, что в этом языке имеются формы пассивного залога с показателем *-ta-*.

В заключении (стр. 133—136) автор делает выводы по всему исследованию, указывая на сильные стороны методики порядкового членения, считает ее единственным объективным критерием систематизации языковых фактов различных языков агглютинативного типа. Список использованной литературы (стр. 137—144) содержит 111 названий. В приложении (стр. 145—166) приводится список глаголов, зафиксированных автором в энецком языке.

Нам хотелось бы высказать некоторые соображения по ряду вопросов, рассмотренных или хотя бы затронутых в диссертации. Прежде всего, было бы уместно отразить в заглавии, что речь идет лишь о диалекте бай энецкого языка. Ведь между диалектами этого языка имеются определенные различия. Далее, было бы небезынтересно узнать побольше об информантах, их возрасте, родителях, знании языков, образовании. Энецкий язык лучше знает, несомненно, старшее поколение, в то время как в знании родного языка у младшего поколения встречаются значительные пробелы. Характеристика информантов в исследованиях, по-

добных рассматриваемой диссертации, всегда кстати. И. П. Сорокина предполагает, что термины *ненец*, *энец* и *нганасан* были в свое время введены Г. Н. Прокофьевым в этнографию и лингвистику с целью избежания термина *самоед* (стр. 3—4). Главной целью применения этих названий было все же желание вернуть каждой народности Крайнего Севера ее самоназвание или хотя бы дать ей название, исходящее от слова 'человек' на родном языке. Говоря о работах, в которых детально рассматривается вопрос о чередовании гортанных смыхных в ненецком языке, нельзя забывать о статье П. Хайду, которая не упоминается и в списке использованной литературы: P. Hajdú, Noch einmal über den Stimm-bandverschlusslaut im Jurakischen. — *ALHUNG*. VII 1957—1958, стр. 245—272.

Нам не совсем ясно утверждение автора о том, что «личные показатели ед. числа объекта для всех трех чисел субъекта полностью совпадают с лично-притяжательной парадигмой имен существительных в именительном падеже» (стр. 88), даже если учесть, что на самом деле И. П. Сорокина имеет в виду, наверное, полное совпадение указанных личных показателей глагола не с «парадигмой имен существительных в именительном падеже», а лишь с лично-притяжательными суффиксами существительных в этом падеже. Ведь согласно данным Н. М. Терещенко, по диалекту бай энецкого языка полного совпадения тут не наблюдается (примеры передаются в финно-угорской транскрипции):

Личные глагольные суффиксы единственного числа объекта	Лично-притяжательные суффиксы именительного падежа
Единственное число	
1 л. -a, -b	-b', -j' (!)
2 л. -r	-r
3 л. -da	-da
Двойственное число	
1 л. -b'', -j	-bi'', -j' (!)
2 л. -ri''	-ri''
3 л. -di''	-di''
Множественное число	
1 л. -ba', -a'	-ba', -a'
2 л. -ra'	-ra'
3 л. -du'	-du'

(Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва 1966, стр. 444, 449).

Интересным в диссертации представляется выявление энецкого II прошедшего или давнопрошедшего времени на *-bi*, в результате чего получается следующая система энецких времен: настоящее на \emptyset , прошедшее на *-š*, давнопрошедшее на *-bi* и будущее на *-da*. В этой связи хотелось бы отметить, что К. Лабанаускас тоже считается с наличием в ненецком языке временной формы на *-βi-*, *-mi-*, называя ее прошедшим результативным временем или перфектом (К. Лабанаускас, Ненецкий перфект. — *СФУ* X 1974, стр. 45—52). Хорошо известно, что при классификации языковых явлений часто возникают определенные трудности. Но для науки важнее преодоления таких трудностей выявление действительной сущности самих явлений. В последнем отношении исследования энецких глагольных форм на *-bi-* и ненецких глагольных форм на *-βi-*, *-mi-*, проведенные И. П. Сорокиной и К. Лабанаускасом, несомненно, представляют большой интерес. Выявление у указанных энецких и ненецких суффиксов четких временных функций еще более сближает их с камасинским общим показателем прошедшего времени *-bi-* и т. д. И. П. Сорокина пишет, что энецкий глагольный суффикс *-ta-* выполняет две функции: транзитивурует непереходные глаголы в переходные и, присоединяясь к переходным глаголам, придает им значение побуждения к действию, например, *šedagod* 'делаю' — *šedatagod* 'делаю (через кого-то)'. Она правильно считает, что в последнем случае мы не имеем дело с залоговым изменением (стр. 125—127). Формы подобного типа часто называются формами куратива, которые наблюдаются, например, в финском языке: *teen* 'делаю' — *teetän* 'делаю (через кого-то)'. Автор отмечает, что в диссертации при написании энецких примеров использована «фонологическая транскрипция, принятая для ненецкого языка» и дополненная знаками *ε*, *ó*, *з* (= *δ*) и *ç* (= *š*) (стр. 21—22). Сразу же возникает вопрос: какая фонологическая транскрипция и кем принята для ненецкого языка? И второй вопрос: каково соотношение дополненного варианта этой транскрипции и действительного произно-

шения диалекта бай энецкого языка? Знать это очень важно для использования оригинального энецкого языкового материала диссертации другими исследователями.

В целом работа И. П. Сорокиной построена логично, написана ясным языком, привлечен хороший и удачно подобран-

ный лингвистический материал. Она без сомнения, существенно пополняет наши знания об энецком языке, является методологически новым словом в самоедологии. Хотелось бы надеяться, что диссертация будет опубликована.

АГО КЮННАП (Тарту)

Alfrēds Kasparsons in memoriam

In der zweiten Nummer des Jahrganges 1974 der Zeitschrift «Sowjetische Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft» gelang es dem Unterzeichneten zu ermitteln, daß der rätselhafte Verfasser des nenzischen Wörterverzeichnisses und der grammatischen Aufzeichnungen, die die ungarische Samojedologin Irén N. Sebestyén in «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae» 1952 veröffentlicht hatte, der junge lettische Revolutionär Augusts Sproģis war, der später Alfrēds Kasparsons hieß. August Sproģis wurde im Jahre 1911 wegen seiner revolutionären Tätigkeit verhaftet und ins Gouvernement Archangelsk verbannt. Als er aus der Verbannung im Jahre 1914 nach Lettland zurückgekehrt war, bekam er von einem seiner Freunde, der Alfrēds Kasparsons hieß, einen neuen Paß, da die Polizei ihm als August Sproģis nachstellte. Er reiste nach Krasnojarsk, wo er bis zur Oktoberrevolution blieb. Als Alfrēds Kasparsons (oder nach der russischen Tradition Alfred Kasparsონ) bekleidete er nach der Revolution verschiedene verantwortungsvolle Posten in Moskau und in den ausländischen Gesandtschaften der Sowjetunion als Fachmann für Außenhandel und Finanzfragen. Seit dem Jahre 1956 lebte er als Personalrentner in Moskau, wo er bis zu seinem Tode in den zentralen Organisationen des Naturschutzes tätig war.

August Sproģis wurde am 17. November 1887 in Vējaва in Lettland geboren, und Alfrēds Kasparsons starb in Moskau am 11. Dezember 1975.

Im Gouvernement Archangelsk in der Kleinstadt Mezeņ war Augusts Sproģis 1912—1914. Dort konnte er jeden Tag Nenzen treffen. Als sprachbegabter junger Mann — er beherrschte außer seiner lettischen Muttersprache auch das Russische und Deutsche — hatte er sofort Interesse für das Nenzische. Obwohl er keine linguistische Schulung hatte, konnte er jedoch sehr systematisch und genau die grammatische Struktur und den Wortschatz einer wenig erforschten samojedischen Sprache, die für einen Letten ganz systemfremd war, aufzeichnen und analysieren. Die heutigen Samojedologen haben einmütig konstatiert, daß das von ihm gesammelte nenzische Material wertbeständig ist. Als er seine Aufzeichnungen machte, reiste er in die Tundra, wo er die Nenzen in ihrem unmittelbaren Milieu beobachten konnte.

Augusts Sproģis war einer von den vielen begabten jungen Männern, die von der zaristischen Regierung nach Norden verbannt wurden und dort trotz allem wissenschaftlich viel geleistet haben.

In der uralistischen Fachliteratur wurde Alfrēds Kasparsons erst vor zwei Jahren als Forscher der nenzischen Sprache «entdeckt», obwohl er als Sproģis oft zitiert wurde. Eine vielseitige Beschreibung seines Lebens und Treibens haben J. Kārķliņš und L. Zakss in der lettischen Zeitung «Dzimtenes Balss» 1975, Nr. 25—30, veröffentlicht: «Vētras sējējiem piederīgs».

PAUL ARISTE (Tartu)